

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЦЕРКОВНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Газета выходитъ разъ въ недѣлю. Годовая цѣна—3 р. 50 к., съ достав. и пересыл. 4 р. 50 к., полугод. 2 р., съ достав. и пер. 2 р. 50 к., за три мѣс. 1 р., съ дост. и пер. 1 р. 30 к.; за 1 мѣс. 40 к., съ дост. и пер. 50 к. Отдѣльные №№ по 10 к. Объявленія за строку, или мѣсто строки, за 1 разъ—10 к., за 2 раза—18 к., за 3 раза—24 к.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Епархіальной библиотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ редакціи—на Донской улицѣ, въ квартирѣ протоіерея Ризположенской церкви В. П. Рождественскаго, у книгопродавцевъ Ферантова и Соловьева.

Содержаніе. О началахъ христіанскаго воспитанія. Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, произнесенное, 19 февраля 1879 года, преосвященнымъ Амвросіемъ епископомъ Дмитровскимъ въ Успенскомъ соборѣ Человѣкъ Христовъ—есть несомнѣнно Богъ. Слово въ день Богоявленія Господня. Историческій отдѣлъ. Архимандритъ Панаіи. Извѣстія и замѣтки. Протоіерей Р. А. Ржаницынъ. (Некрологъ).

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.¹⁾

О началахъ христіанскаго воспитанія.

Будите въ совершении, якоже Отецъ вашъ небесный совершаетъ. (Матѣ. 5, 48).

Благочестивѣйшій Государь нашъ, въ послѣднее пребываніе свое въ Москвѣ, призывалъ всѣхъ насъ къ содѣйствію, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь.²⁾

Этотъ милостивый призывъ есть знаменательная историческая черта нашего времени. Исторія отдастъ справедливость великимъ преобразованіямъ, совершеннымъ Александромъ II въ нашемъ отечествѣ, но она также отмѣтитъ и то, что Великій Преобразователь скорбѣлъ о неспособности многихъ изъ нелишенныхъ образованія молодыхъ людей Его времени понять Его великія предначертанія для блага отечества. Исторія отмѣтитъ Его вѣрный, глубокой взглядъ на умственное и нравственное состояніе нашей современной молодежи: Онъ находитъ наилучшій способъ вразумленія ея не въ преслѣдованіи со стороны власти, не въ карахъ правосудія, а въ средствахъ разумнаго убѣжденія. Ему жаль нашу даровитую, горячую русскую молодежь, сбиваемую съ пути, и Онъ хочетъ облегчить ея виновность, признавая ее во всеуслышаніе жертвой людей неблагонамѣренныхъ. Онъ призываетъ родителей, наставниковъ, воспитателей, писателей и всѣхъ гражданъ русской земли спасти отъ увлеченій нашу заблуждающуюся молодежь, такъ какъ въ ней гибнутъ молодыя силы, столь нужны для блага и преуспѣнія нашего отечества, нынѣ поставленнаго на путь всесторонняго развитія и преуспѣнія.

Чѣмъ же мы можемъ и должны отозваться на это

истинно-отеческое слово Великаго Государя нашего? Заботливою и усердною дѣятельностью по данному намъ указанію.

Въ рукахъ истинно-просвѣщенныхъ и опытныхъ руководителей много способовъ дѣйствовать на молодыхъ людей, но главный способъ, безъ котораго всѣ остальные безсильны, есть безъ сомнѣнія воспитаніе. Здоровое воспитаніе поставитъ на прямую дорогу дѣтей и отроковъ, изъ которыхъ молодежь выходитъ. Вѣрные сужденія о воспитаніи и счастливые опыты его вразумятъ и многихъ юношей по самому возрасту своему еще способныхъ перевоспитать и довоспитать себя. Изъ юношества здорово воспитаннаго явятся новые отцы и матери на смѣну тѣмъ, которые неисправимы и старѣются въ своихъ заблужденіяхъ, поддерживаемыхъ пороками.

Печальные опыты послѣдняго времени убѣдили насъ, что намъ необходимо озаботиться установленіемъ здоровыхъ и единообразныхъ началъ воспитанія. Начала воспитанія сложныя искажаютъ и развращаютъ народъ; начала разнообразныя и противорѣчивыя раздѣляютъ и разлагаютъ его, лишая его цѣлости, единомыслія и единопудія. Но какъ намъ согласиться въ началахъ и основныхъ приемахъ воспитанія? Невообразимая, ни въ одномъ народѣ невиданная рознь въ возрѣвнѣхъ и сужденіяхъ губитъ всякое наше отечественное дѣло и приводитъ въ отчаяніе самыхъ благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ русскихъ людей. Мы боимся, что наши люди науки и объ этомъ неотложномъ вопросѣ на многолѣтъ поднимутъ пренія безъ надежды соглашенія. А время уходитъ, молодежь наша не перестаетъ быть жертвою людей неблагонадежныхъ.

Что же намъ дѣлать? Одно спасеніе—обратиться къ просвѣщеннымъ семействамъ, сохранившимъ еще, болѣе или менѣе, христіанское настроеніе и знающимъ по опыту благотворность христіанскихъ началъ воспитанія. Пусть они, эти христіанскія избранныя семейства, возвысятъ свой голосъ за дѣтей Русской земли; покажутъ у себя примѣръ какъ истинно-христіанскаго воспитанія дѣтей, такъ и огражденія ихъ отъ вліянія пидущихъ и

¹⁾ Произнесено (съ сокращеніями) въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ.

²⁾ См. „Московскія Вѣдомости“ 1878 года № 297.

преподающихъ лжеучителей, губящихъ наше отечество: ихъ голосъ поддержать тысячи семей, живущихъ безъ образованія въ простотѣ вѣры и также страдающихъ отъ развращенія своихъ дѣтей духомъ времени; ихъ голосъ поддержать весь народъ Русскій, уже чувствующій тяжкія послѣдствія современнаго развращенія нравовъ, но, по милости Божіей, еще живущій духомъ вѣры и благодати Христовой.

Но здѣсь чрезвычайно важно одно условіе, именно чтобы просвѣщенные христіанскія семейства имѣли сами разумное, сознательное и твердое убѣжденіе, что христіанскія начала воспитанія суть единственно вѣрныя и надежныя. Они должны быть вооружены яснымъ пониманіемъ достоинства хранимыхъ ими началъ противъ нападеній нашихъ современныхъ философовъ. На нихъ посылаются (какъ и прежде это было, когда насъ еще только совращали съ пути) замѣчанія, что правила и приемы христіанскаго воспитанія, дѣйствовавшіе у насъ въ теченіи тысячи лѣтъ, пропитаны буквализмомъ, мертвою обрядностью, лишены разумныхъ (раціональных) началъ, и не даютъ дѣтямъ надлежащаго развитія, лишаютъ ихъ свободы мысли, порождаютъ одностороннихъ аскетовъ, отличающихся духомъ нетерпимости, и проч.

Въ отвѣтъ на это родители-христіане могутъ противопоставлять не только собственный опытъ сердца и жизни, но и прямыя доказательства, что христіанская буква и обрядность имѣютъ глубочайшій смыслъ, что христіанскіе приемы воспитанія имѣютъ въ своемъ основаніи глубочайшія раціональныя начала, которыхъ искали, но до которыхъ не могли домыслиться истинные философы древности, и которыхъ не понимаютъ только лжефилософы нашего времени.

Постараемся объяснить это. Но здѣсь представляется затрудненіе: предметъ отвлеченный; нужно нѣкоторое напряженіе мысли; а мыслить крѣпко и самостоятельно мы не привыкли. Отъ того, скажемъ къ слову, мы и дѣлаемся легкою добычей всякаго лжеученія, и попадаемъ въ руки всякому заѣзшему проповѣднику.

Наши новые философы не видятъ, или не хотятъ видѣть, что христіанство есть не только Божественное откровеніе, но и совершеннѣйшая философія. Еще за полторы тысячи лѣтъ говорили люди мыслящіе, что „душа человѣческая отъ природы христіанка“. Христіанство принимаетъ человѣка какъ онъ есть, съ его природой, свойствами, законами мышленія, дѣятельности, и по этимъ именно законамъ его воспитываетъ для временной и вѣчной жизни, исправляя худое, восполняя недостающее. Оно не прививаетъ къ человѣку ничего несвойственнаго его природѣ, не даетъ ему иного назначенія, не употребляетъ средствъ произвольныхъ, не вызываемыхъ существовою необходимостью. Поэтому начала и приемы христіанскаго воспитанія суть прежде всего начала философскія, то-есть требуемая природой человѣка; потомъ христіанскія, то-есть сообщающія нашей природѣ то, чего ей не достаетъ въ ея настоящемъ состояніи.

Что такое воспитаніе?

Въ обширномъ смыслѣ, воспитаніе есть постепенное возведеніе живаго существа къ возможной для него полнотѣ совершенства и благосостоянія, чрезъ правильное

развитіе его силъ и способностей. Изъ этого общаго понятія видно, что для правильнаго воспитанія человѣка, какъ и всякаго живаго существа, требуется, во-первыхъ, ясное понятіе о совершенствѣ, которое для него желается, во-вторыхъ, о средствахъ наиболѣе вѣрныхъ для достиженія совершенства, наконецъ, в-третьихъ, о плодахъ развитія или ожидаемомъ благосостояніи воспитанника.

Всѣ эти условія воспитанія существенно необходимы. Безъ яснаго понятія о человѣческомъ совершенствѣ воспитаніе пойдетъ по способу хожденія слѣпыхъ—ощупью; безъ увѣренности въ средствахъ—съ колебаніями, нерѣшительностью и робостію; безъ понятія объ истинномъ благосостояніи воспитанника—воспитаніе пойдетъ не для его блага, а въ удовлетвореніе только предположений и мечтаній родителей, или въ исполненіе любимой теоріи воспитателей.

Первое условіе или понятіе о совершенствѣ человѣческомъ иначе называется идеаломъ или первообразомъ человѣческаго совершенства. Недавно еще у насъ была проповѣдуема теорія воспитанія безъ великихъ идеаловъ и предвзятыхъ понятій о совершенствѣ, но скоро дѣти, возрастающія подъ руководствомъ только своей природы, показали въ себѣ развитыми наиболѣе ея недостатки, и отличались преимущественно пороками. Сознались современные мыслители въ необходимости идеаловъ, и растерялись въ исканіи ихъ.

Подъ вліяніемъ матеріалистическихъ понятій, что религія есть собраніе суевѣрій, а нравственность—совокупность безсодержательныхъ правилъ и обычаевъ, и что истинное совершенство человѣка состоитъ только въ знаніи, — новые мыслители усиленно, не давая опомниться, гонятъ нашихъ юношей и дѣвицъ къ многознанію, воображая въ будущемъ наше отечество въ блескъ научнаго образованія и всевозможныхъ усовершенствованій. Знанія распространяются; спеціальности размножаются до безконечности; число спеціалитовъ даровитыхъ и бездарныхъ, свѣдущихъ и не-свѣдущихъ, увеличивается съ каждымъ днемъ; но вмѣстѣ съ ними умножается и число людей, у которыхъ видимо не обработано сердце; нескотливость самолюбія замѣняетъ чувство чести и человѣческаго достоинства; страсти не сдержаны; своеволіе не обуздано. Ясно, что въ нихъ не воспитаны цѣлыя обширныя стороны души человѣческой; природа даетъ себя знать. Стало-быть идеаль не полонъ.

Понявъ эту односторонность, стали налегать на развитіе чувства красоты, на художественное образованіе, полагая, что полюбивъ прекрасное человѣкъ и самъ сдѣлается прекраснымъ. И эта надежда не оправдывается. Опытъ показалъ, что и любя прекрасное человѣкъ, самъ можетъ быть безобразнѣе собственныхъ своихъ произведеній. Здѣсь не досмотрѣно одно важное обстоятельство, что сдѣлать самого человѣка прекраснымъ такъ же трудно какъ образовать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую.

Нашли еще идеалы—въ великихъ характерахъ, созданныхъ фантазіей драматурговъ и другихъ поэтовъ, и въ историческихъ личностяхъ новаго и стараго времени. Но, во-первыхъ, надо воспитывать цѣлыя народы, а про-

изведенія поэтовъ и великіе люди исторіи, вопреки всѣмъ усиліямъ любителей просвѣщенія, народнымъ массамъ много если будутъ извѣстны только по именамъ. Наука дорога, а имъ впору добывать себѣ насущный хлѣбъ. Далѣе, не у всякаго человѣка достанетъ силъ на великое; что же дѣлать людямъ, обладающимъ малою долей силъ и талантовъ? Наконецъ во всѣхъ великихъ личностяхъ, историческихъ и вымышленныхъ, есть односторонности и недостатки: подраженіе полное повторить въ подражателяхъ недостатки образцовъ, а забота объ избѣжаніи ихъ недостатковъ подорветъ въ подражателяхъ благоговѣніе къ нимъ. Въ послѣднемъ же развитіи этой теоріи будетъ созданіе новой языческой мифологіи, съ преступными героями и безнравственными богами.

Гдѣ же идеаль истинный, объемлющій всю природу человѣка во всей полнотѣ и въ нескончаемомъ ея развитіи, всѣмъ близкій и для всѣхъ доступный, легко познаваемый, дающій слабому малое, сильному великое, достолюбезный, всѣхъ къ себѣ влекущій и всѣхъ удовлетворяющій? Такой идеаль одинъ,—это Богъ христіанскій: „Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.“ Ему-то, несозданному, обрадовался, когда услышалъ благовѣстіе о Немъ, испробовавшій всѣ созданные идеалы, древній міръ языческой или—что то же—міръ философскій. Но такъ какъ человѣкъ, поврежденный во всѣхъ основахъ своей природы, не могъ самъ собою возвыситься къ Богу невидимому и войти въ общеніе съ Нимъ, то Богъ послалъ въ міръ во плоти Сына Своего Единороднаго (Гал. 4, 4), который взываетъ: „Придите ко Мнѣ вси“ (Мате. 11, 28), „видѣвый Мене видѣ Отца“ (Іоанн. 14, 9). И вотъ Онъ представляется намъ и нынѣ стоящимъ предъ новыми врагами Своими какъ стоялъ нѣкогда предъ іудеями и вопрошающимъ: много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего, за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями? (Іоанн. 10, 32). Только гордость фарисейская и сомообольщеніе эллинское могутъ отрицать всесовершеннѣйшія свойства этого идеала и родство Его съ душою человѣка. Укажите въ человѣкѣ самое высшее требованіе природы, которое бы въ Немъ не находило удовлетворенія; вообразите самое высшее совершенство, котораго бы въ Немъ не было. Онъ есть сама истина, любовь, благость, чистота, правда, безкорыстіе, самоотверженіе, трудолюбіе, терпѣніе, мужество,—но кто исчислитъ всѣ Его совершенства? Развѣ то въ Немъ не по духу нашего вѣка, что въ Немъ нѣтъ страстей, которыми бы мы могли себя оправдывать и Онъ не потворствуетъ имъ, что Онъ „беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть въ устѣхъ Его. (Ис. 53, 9).

Къ нему приводятъ, предъ Него ставятъ христіанскіе родители своихъ дѣтей въ томъ священномъ училищѣ, которое называется церковію. Здѣсь воспитаніе идетъ по всѣмъ законамъ человѣческаго развитія. Сначала чрезъ чувства — посредствомъ впечатлѣній. Какъ красоту природы въ главныхъ чертахъ человѣкъ узнаетъ и начинаетъ любить раньше всякой науки, знакомясь съ нею посредствомъ простаго созерцанія и опытовъ дѣтства, такъ и въ церкви пріобрѣтаются первыя пред-

ставленія о Богѣ, самыя раннія и наиболѣе важныя въ жизни человѣка, чрезъ созерцаніе изображеній, дѣйствій, символовъ, указывающихъ на міръ духовный. Мать, предметъ всей любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣннымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконой Спасителя: дитя посмотритъ то на нее, то на образъ, и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того, что это значить. Вотъ первый безмолвный урокъ Богопознанія. Дитя въ храмѣ: благолѣпіе храма, освѣщеніе, свѣтлыя облаченія священнослужащихъ, пѣніе и безмолвное предстоаніе молящихся, обращенныхъ къ алтарю, священныя дѣйствія, отсутствіе предметовъ обыденной жизни, запрещеніе неблагоговѣнныхъ движеній, требованіе вниманія къ чему-то высшему, особенному — это уроки благоговѣнія предъ Богомъ, которыхъ не замѣнить никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя. При этихъ урокахъ нельзя замѣтить минуты, съ которой открывается въ дѣтахъ воспоминаніе того, что читается и поется въ храмѣ; мы знаемъ только, что любили нашего Спасителя еще задолго до уроковъ закона Божія потому что часто слышали повѣствованія о Немъ, много Ему молились, добывали Его Евангеліе, плакали о Немъ при чтеніи Его страданій и радовались всѣмъ сердцемъ, празднуя Свѣтлое Воскресеніе. Этого обилія благодатныхъ вліяній и самой благодати Божіей лишаютъ родители своихъ дѣтей, ненося ихъ въ храмъ для пріобщенія Св. Таинъ и не приводя въ раннемъ возрастѣ въ церковь потому пустому предлогу, что дитя ничего не понимаетъ; какъ будто только одинъ анализирующій разумъ есть проводникъ всѣхъ вліяній дѣйствующихъ на развитіе человѣка. Здѣсь собственно воспитывается религиозное чувство, главный двигатель духовной жизни. Потеря этого времени и этого способа развитія сердца есть потеря невознаградимая. Послѣ дитя и отвлеченныя понятія усвоивать будетъ, и уроки твердить станутъ, но сердце, которымъ овладѣли уже инныя впечатлѣнія и склонности, будетъ тупо и глухо къ впечатлѣніямъ духовнымъ.

Дальнѣйшее воспитаніе сообщаемое церковью точно также рационально. Не легко душу человѣка, отсюду окруженную земными предметами и непрестанно вызываемую въ міръ внѣшній, возвести въ міръ духовный и пріучить внутренно чаще къ нему обращаться и жить въ немъ. Для этого мало заставить дѣтей по два часа въ недѣлю слушать школьные уроки закона Божія, оставляя ихъ затѣмъ на все время на жертву всякимъ вліяніямъ, безъ предостерегающаго напоминанія о Богѣ. Церковь поступаетъ не такъ. Она обязываетъ своихъ учениковъ съ ранняго дѣтства, съ самаго обученія грамотѣ, дня не проводить безъ чтенія слова Божія, не опускать ни одного праздничнаго Богослуженія, не обращать домашней молитвы въ минутный безсознательный обрядъ, не пренебрегать урочными временами, въ которыхъ запрещаются удовольствія и развлеченія, душа сосредоточивается въ себѣ и обсуждаетъ свое нравственное состояніе... Все это намъ самимъ нынѣ трудно. Намъ самимъ желательно, чтобы насъ не обязывали ни къ какому духовному труду, чтобы у насъ былъ вѣчный праздникъ со всѣми увеселеніями, чтобы намъ разрѣшили спектакли и на Страстной недѣлѣ и никто бы

ничѣмъ не тревожилъ нашей совѣсти... Лѣнясь сами, мы отъ всѣхъ благочестивыхъ упражненій, какъ излишнихъ, освобождаемъ и дѣтей своихъ. За то и пожинаемъ, что сѣемъ, и оправдывается надъ нами слово Спасителя: собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы? (Матѣ. 7, 16).

Нѣтъ надобности распространяться о дальнѣйшихъ пріемахъ религіознаго образованія употребляемыхъ церковью. Заложивъ въ душахъ дѣтей и отроковъ чувства благочестія первоначальнымъ воспитаніемъ, оно открываетъ молодымъ людямъ всѣ источники знанія подъ охраною вѣры, приучая ихъ къ употребленію свободы подъ наблюденіемъ нравственнаго закона. Правила церкви для возрастнаго христіанина: все испытывайте, хорошаго держитесь (1 Сол. 5, 21), все мнѣ позволительно, но не все полезно (1 Кор. 10, 23). Она ставитъ закономъ одно основное начало знанія и жизни: все отъ Бога исходитъ и къ Богу возвращается. Истинный питомецъ церкви видитъ Бога въ исторіи домостроительства нашего спасенія, въ исторіи міра, въ природѣ, въ опытахъ своей жизни, а главное чувствуетъ Его въ своемъ сердцѣ; предъ Нимъ трудится, скорбитъ и радуется, отъ Него всего надѣется, съ Нимъ живетъ и къ Нему отходитъ по смерти. Съ какимъ же ищымъ идеаломъ человѣкъ можетъ внутренно такъ сдружиться и быть неразлучно, въ какомъ другомъ идеалѣ можетъ почерпнуть столько внутренняго успокоенія, вдохновенія и силы?

Вмѣстѣ съ выясненіемъ въ сознаніи воспитанника высочайшаго первообраза человѣческаго совершенства церковь принимаетъ мѣры и къ направленію его дѣятельности, согласно съ совершенствами первообраза. Такъ должно быть по требованіямъ и всякой науки о человѣкѣ, къ какому бы философскому направленію она ни принадлежала. Но никакая педагогія не обладаетъ такими средствами или пріемами, для направленія человѣка къ совершенству, какими владѣетъ церковь.

Внутренняя жизнь человѣка есть тайна. Мы можемъ говорить воспитаннику, учить, совѣтовать, но что происходитъ въ его духѣ вслѣдствіе нашихъ убѣжденій мы не можемъ знать, если онъ самъ этого не откроетъ, да еще и въ силахъ ли онъ самъ объяснить, что въ немъ происходитъ? Притомъ, всѣмъ нашимъ вліяніямъ становится такъ сказать на дорогѣ особая способность человѣка, составляющая величайшее его преимущество, но вмѣстѣ и величайшее затрудненіе для воспитателей—это его свобода. Можно склонить его свободу по нашему желанію хитростію, обольщеніемъ, но онъ скоро пойметъ, и найдя себя обманутымъ, потеряетъ къ намъ довѣріе. Его можно принудить дѣлать то, чего мы желаемъ, но онъ внутренно будетъ намъ противиться, и сдѣланное по насилію не признаетъ своимъ. Кто можетъ войти въ душу человѣка и привести все въ ней въ порядокъ, заставить ее думать, желать, дѣлать все такъ, какъ мы полагаемъ лучшимъ для ея блага? Никто, кромѣ Бога-Сердцевѣдца. Ему-то, познавшему дѣтьми христіанскими отъ рожденія, церковь и поручаетъ воспитаніе ихъ, оставляя каждого изъ нихъ на попеченіе неотлучнаго приставника, недремлющаго наблюдателя—ихъ собственной совѣсти.

Что такое совѣсть? По наблюденіямъ психологиче-

скимъ, она есть чувство жизни духовной, подобное чувству жизни физической, какое мы имѣемъ въ нашемъ тѣлѣ. Это чувство свидѣтельствуетъ о правильномъ, гармоническомъ настроеніи нашего духа и расширеніи его жизни, когда мы дѣлаемъ добро, и о разстройствѣ, стѣсненіи, страданіи, когда мы дѣлаемъ зло, подобно тому какъ чувство жизни въ тѣлѣ даетъ намъ знать тепло ему или холодно, больно оно или здорово. Смущеніе дитяти уличеннаго во лжи, краска стыда на лицѣ дѣвicy при появленіи соблазна—вотъ самыя первыя проявленія совѣсти, свидѣтельствующей о нравственномъ замѣшательствѣ или разстройствѣ души. Самыя страшныя потрясенія совѣсти испытываетъ невинная молодость при первомъ паденіи. Опыты утѣшенія совѣсти при добромъ дѣлѣ также начинаются въ душѣ нашей весьма рано, и никогда ее не покидаютъ. Отсюда видно, въ чемъ заключается тайна нравственнаго воспитанія. Она состоитъ въ томъ, во первыхъ, чтобы сохранить въ воспитанникѣ совѣсть чистою, то-есть, чуткою, бодрою, вѣрно показывающею нравственныя состоянія души, и самую душу охранить отъ разстройства, или немедленно возстановлять послѣ разстройства, чтобы дать юному человѣку почувствовать внутреннее благосостояніе, пріобрѣтаемое исполненіемъ нравственнаго закона, или, иначе, познакомить его съ духовнымъ опытомъ. Въ этомъ опять единственно безошибочною и благонадежною руководительницею является церковь.

Великія усилія она употребляетъ, чтобы прежде всего просвѣтлить, или, такъ сказать, вывѣрить совѣсть своихъ сыновъ юныхъ и возрастныхъ, чтобы она была безошибочнымъ показателемъ преступленія и добродѣтели отъ самаго зарожденія ихъ въ мысли и неясной мечтѣ до послѣдняго осуществленія на дѣлѣ. Для этого непрестанно при богослуженіяхъ въ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ преподается ученіе о Богѣ всесовершенномъ и всенраведномъ, ненавидящемъ грѣхъ и любящемъ добродѣтель, предлагаются описанія преступленій и подвиговъ добродѣтели и повѣствованія о грѣшникахъ наказанныхъ, или помилованныхъ и праведникахъ блаженствующихъ; возносятся умиленные молитвы о прощеніи нашихъ согрѣшеній и избавленіи отъ соблазновъ и искушеній. Сюда направлены всѣ правила о говѣнн, всѣ законоположенія объ исповѣди и пріобщеніи. Здѣсь дитя вмѣстѣ съ родителями и всѣми христіанами непрестанно поставляется со своею совѣстію предъ Богомъ—ни для кого невидимо, но для него понятно; здѣсь, говоря современнымъ языкомъ, совершается тотъ медленный процессъ, не передаваемый ни въ какомъ краснорѣчивомъ урокѣ, процессъ раздѣленія въ нашемъ сознаніи двухъ присущихъ намъ природъ, или двухъ человѣковъ—ветхаго и новаго, добраго и злаго, и не только предлагается нашей свободѣ выборъ направленія жизни, но и прямо дается чувствовать, что только въ направленіи къ добродѣтели есть истинная жизнь и счастье души человѣческой. Чѣмъ вы это замѣните въ научныхъ системахъ воспитанія? Рационалисты могутъ строить только не оправдываемыя опытомъ теоріи; а педагоги позитивисты и матеріалисты изъ любимаго ими животнаго царства ни до чего подобнаго и возвыситься не могутъ.

Эти приемы нравственнаго воспитанія церкви ввела и въ семейства. Мать—истинная христіанка—въ прежнее время непрестанно указывала дитяти: „это грѣхъ.“ Что это значитъ? Можетъ быть намъ это понятіе будетъ на языкѣ ученомъ, нежели на библейскомъ. Это значитъ указаніе на уклоненіе отъ идеала человѣческаго совершенства. Ничего не можетъ быть рациональнѣе какъ замѣчать дитяти съ ранняго возраста его уклоненія отъ предназначеннаго ему совершенства. При мысли о Богѣ, наказующемъ грѣхъ, частое указаніе на возможность грѣха есть самый вѣрный способъ научить дитя различать грѣхи и бояться грѣховъ. А такъ какъ прежде страшились не только нарушеніе заповѣдей десятословія, но и воспитательныхъ уставовъ церкви, то случаи остерегать дѣтей отъ грѣха представлялись часто. Нынѣ многими ничто не почитается за грѣхъ, кромѣ развѣ уголовныхъ преступленій, ведущихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Но по ученію церкви есть грѣхи малые, ведущіе къ великимъ. Дитяти говорили, когда просило пищи скоромной въ постный день, или въ праздникъ до обѣдни: „грѣхъ“. Это значило, учишь воздержанію и терпѣнію; когда оно позволяло себѣ неприличныя движенія на молитвѣ, говорили: „грѣхъ“; это значило—учишь благоговѣнію; уронило часть просфоры: „грѣхъ“; это значило—чти святую; небрежно обращается съ хлѣбомъ: „грѣхъ“, — невниманіе къ дару Божію; упрямится исполнить приказаніе отца, или матери: „грѣхъ“; это значило—повиный законной власти; и т. п. Отъ того-то прежде и боялись большихъ грѣховъ, что совѣсть чутка была къ малымъ, что великъ былъ страхъ ответственности предъ Богомъ, что хорошо знакомы были страданія души, выпадающей по несчастію въ тяжкій грѣхъ. Нынѣ все можно, и ничто не страшно. Отъ тупости нравственнаго чувства происходитъ это безстрашіе и дерзость по отношенію къ порокамъ и страшнымъ преступленіямъ, какія видимъ мы нынѣ.

При этихъ же урокахъ церкви зараждается и духовный опытъ, о которомъ мы говорили выше. Онъ начинается борьбой съ влеченіями испорченной природы, обнаруживающимися съ ранняго дѣтства, и сопровождается чувствомъ удовольствія при преодолѣніи ихъ, и такимъ образомъ полагается начало мужества и твердости въ подвигахъ добродѣтели. Здѣсь пріобрѣтается опытное познаніе высшихъ утѣшеній, какія можетъ имѣть человекъ и помимо чувственныхъ увеселеній, каковы: молитвенное умиленіе, сладость уединеннаго размышленія при чтеніи Слова Божія, чувство душевнаго мира и при тѣлесной усталости послѣ продолжительныхъ богослуженій, облегченіе совѣсти послѣ исповѣди, радость по приобщеніи Св. Таинъ и при церковныхъ торжествахъ. Все это даетъ опытное понятіе объ иной жизни, чѣмъ наша земная, даетъ „позывъ къ этой жизни, соединяющей съ охлажденіемъ къ чувственнымъ увеселеніямъ“. Отсюда происходитъ пріобрѣтаемое съ лѣтами и духовною зрѣлостію безстрашное разставаніе съ этою жизнію и надежда вѣчнаго успокоенія за гробомъ.

Какіе плоды эти воспитанники церкви приносятъ съ собою, вступая въ общественную жизнь? Юноши и дѣвочки во всемъ складѣ или настроеніи своего духа получаютъ противовѣсіе соблазнамъ свѣта, предостереженіе

въ совѣсти противъ искушеній; они, и одолаваемые силою страсти, пройдутъ долгую борьбу, много переплачутъ внутренно прежде нежели рѣшатся на тяжкій проступокъ; а въ случаѣ паденія имъ есть къ чему возвратиться: они знаютъ способы лѣченія душевныхъ болѣзней, имъ знакомо и пріятное чувство нравственнаго выздоровленія. О, какъ они не похожи на этихъ, одичавшихъ нравственно, питомцевъ современной науки!

Воспитанники церкви опытомъ жизни, съ помощію благодати Божіей, утвердившіеся въ добрыхъ правилахъ и навыкахъ, становятся недоступными для преступленій. Видятъ, или не видятъ ихъ люди, угрожаетъ, или не угрожаетъ имъ наказаніе,—они не совершаютъ преступленія: оно имъ гадко, оно имъ страшно и противно ихъ природѣ. Никакія обольщенія богатства, наслажденій роскоши не соблазняютъ ихъ: имъ пріятнѣе сухая корка чернаго хлѣба съ миромъ совѣсти, чѣмъ самыя роскошныя яства, добытыя преступленіемъ. Отъ того-то артельщикъ воспитанный въ деревнѣ, у вдовы-матери, простой христіанки, въ страхѣ Божіемъ, носитъ милліоны отъ банка до банка и не заглядывается на нихъ, а образованный кассиръ систематически обкрадываетъ кредитныя учрежденія. Отъ того прежде бывало, что грубый крестьянинъ, знавшій съ дѣтства церковь Божію, совершивъ убійство, идетъ донести самъ на себя, чтобы праведною карой закона облегчить страданія своей души, а нынѣ бываетъ, что образованный юноша убійца заранѣе добываетъ фальшивые паспорта.

Только воспитанники церкви знаютъ возможность быть внутренно счастливыми при трудностяхъ и лишеніяхъ жизни. У нихъ всегда есть въ готовности утѣшеніе: честно день потрудиться, усердно помолиться, оказать ближнему услугу, отдохнуть мирно въ своемъ семействѣ, или въ обществѣ друзей, въ бѣдѣ возложить печаль свою на Господа. Отъ того они всегда довольны своимъ состояніемъ, не смотря съ завистію на довольство другихъ, не раздѣляютъ мысленно между собою чужаго богатства, безпорядки, волненія, возмущенія—не ихъ дѣло.

Еще Соломонъ говорилъ: „въ благословеніи правыхъ возвысится градъ, усты же нечистивыхъ раскопается“ (Прит. 11, 11). Какъ, повидимому, труды праведниковъ, пріобрѣтающіе городамъ и царствамъ Божіе благословеніе и благоденствіе, могутъ быть уничтожаемы болтливыми, или лживыми, устами? Однако, это такъ. Никто не позналъ этого горькимъ опытомъ лучше насъ. Кто расканываетъ основы нашего могущества: единомысліе, единодушіе, нравственную твердость, вѣрность, покорность властямъ, чистоту нравовъ? Уста и перья нечестивыхъ! Пора намъ заградить, если не уста лживыя, то собственный нашъ слухъ отъ ихъ рѣчей и обратиться къ трудамъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, чтобы возвратить себѣ пріобрѣтенное ими Божіе благословеніе. Аминь.

Получено въ Ученской, въ Вѣдкахъ, редакціи, въ Москвѣ 1872 г.

Слово въ день Богоявленія (Крещенія Господня) *).

*Се гласъ съ небесе глаголю: Сей
есть Сынъ Мой возлюбленный, о
Немъ же благоволихъ* (Мат. 3, 17).

Событіе, воспоминаніе котораго мы празднуемъ въ нынѣшній день, положило собою начало общественнаго служенія Господа нашего Іисуса Христа роду человѣческому въ цѣляхъ его спасенія. До появленія Своего на Іорданѣ Господь нашъ проводилъ жизнь вдали отъ центра гражданской жизни іудеевъ—отъ Іерусалима; только разъ въ Своемъ дѣтствѣ, на двѣнадцатомъ году, Іисусъ заявляетъ Себя въ іерусалимскомъ храмѣ предъ собраніемъ іудейскихъ ученыхъ мальчикомъ необычайныхъ даровъ духа; но затѣмъ до тридцатилѣтняго возраста Онъ какъ бы скрывается отъ людской молвы, скромно проживая у Своего названнаго отца Іосифа въ бѣдномъ, малозвѣстномъ городкѣ Назаретѣ. Но вотъ крещеніе въ поразительныхъ знаменіяхъ отирываетъ Божественную славу Христа предъ тѣмъ, кто посланъ былъ приготовить Ему путь въ мірѣ, предъ Іоанномъ Предтечею. Совершая крещеніе надъ Іисусомъ, Креститель видитъ Духа святаго, сходящаго на Брещаемого въ видѣ голубя, и слышитъ съ неба голосъ Бога Отца: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, на Которомъ Мое благоволеніе. Съ этихъ поръ Божественная природа Христа въ яркихъ чертахъ обрисовывается предъ нами во всей исторіи общественной жизни и дѣятельности Его въ мірѣ. Не думайте, православные христіане, что Божественное естество Христа открывается только въ специально сверхъестественныхъ Его дѣйствіяхъ—чудесахъ, такъ легкомысленно отрицаемыхъ полуучеными невѣріемъ нашего времени; напротивъ, даже все, по видимому, естественное и чисто человѣческое въ Христѣ, не отвергаемое никакимъ невѣріемъ, служитъ откровеніемъ Его Божества. Разсмотрите внимательно человека—Христа и вы несомненно увидите въ Немъ Бога!* Посмотрите.

Сынъ незнатной Дѣвцы, не получившій никакого высшаго образованія, жившій среди необразованныхъ людей и въ самой простой обстановкѣ, не имѣвшій никакихъ знатныхъ родныхъ, знакомыхъ или друзей, не покровительствуемый никакими вліятельными лицами, не опирающийся ни на богатство, ни на власть, вообще ни на какую внѣшнюю силу, Христосъ выступаетъ на поле общественной дѣятельности, можно сказать, еще въ юномъ возрастѣ, тридцати лѣтъ; на первыхъ шагахъ встрѣчаетъ сильное противодействие Всему высокому призванію въ лицѣ закоренѣлыхъ въ своемъ эгоизмѣ и предразсудахъ, но могущественныхъ представителей духа и вѣры народа—фарисеевъ и книжниковъ—и однако въ теченіи краткаго промежутка времени, трехъ съ половиною лѣтъ, совершаетъ въ мірѣ то, чего никто не могъ бы сдѣлать во всю свою жизнь. Христосъ проводитъ Собой разграничивающую черту между древнимъ и новымъ міромъ, вноситъ въ человѣческую жизнь тавія начала, мотивы и цѣли, о какихъ и понятія не имѣло древнее человечество. И эти начала, мотивы и цѣли и доселѣ управляютъ исторіей лучшихъ народовъ міра. Въ виду всѣхъ неблагоприятныхъ условій, при коихъ пришлось выступить и дѣйствовать Христу въ мірѣ, и смотря на необычайныя слѣдствія Его дѣятельности въ исторіи человечества, кто не скажетъ, что это былъ истинно возлюбленный Сынъ небеснаго Отца, на Которомъ почивало все Божественное благоволеніе,

что это былъ Сынъ Божій въ особенномъ, исключительномъ смыслѣ слова, что Его природа должна была отличаться отъ нашей, короче, что это былъ не простой человекъ, но человекъ съ высшими, Божественными силами духа,—Богочеловекъ? Таково впечатлѣніе выносится уже изъ общаго и бѣлаго обзора исторической жизни Христа на землѣ, поставившей по себѣ неизгладимые слѣды во всей послѣдующей исторіи рода человеческого.

Но если мы ближе прикинемъ взоромъ къ чудному, таинственному лицу Христа, пристальнѣе всмотримъ въ отдѣльныя черты этого величественнаго духовнаго образа, то наше изумленіе и благоговѣніе предъ Нимъ получить ту именно высоту, на какой ей и должно быть. Дивный, божественный образъ Христа! Какой языкъ человѣческой или ангельской можетъ описать твою неподражаемую красоту, твое невыразимое величіе, твое ослѣпительное сіяніе? Но ты—образъ, открытый для нашего подражанія, ты живая скрижаль Новаго Завѣта, заключающая въ себѣ неисчерпаемые уроки для нашего благочестія, ты источникъ и сила для нашего духовно-праведнаго возвышенія; въ тебѣ только немощный человекъ можетъ почерпнуть ту воду живую, напоясь которой не будетъ исать другой воды въ томительной жаждѣ. Посему, да позволитъ милость Божія нашимъ слабымъ рукамъ приподнять хотя край завѣсы, покрывающей чудное лице Христа, и хотя частію насладиться намъ его созерцаніемъ.

Что такое Христосъ? Что составляетъ внутреннее, несравнимое величіе Его духа? Былъ ли Онъ великій философъ? Но кто жъ помѣщаетъ Его въ ряду философовъ? Ни одна исторія этого не дѣлаетъ. Можетъ быть, Онъ отличался необыкновеннымъ, увлекательнымъ даромъ краснорѣчія? Но мы знаемъ прославленныхъ ораторовъ древности и новаго времени, мы изучаемъ въ школахъ образцы ихъ краснорѣчія—и однако ни Христа среди признанныхъ ораторовъ, ни Его рѣчей въ ряду образцовъ ораторскаго искусства не встрѣчаемъ. Не былъ ли Онъ знаменитый политикъ, или величайшій полководецъ? Но и наши дѣти на столько знакомы съ исторіей, чтобы отвѣтить намъ: нѣтъ, въ ряду полководцевъ и политиковъ о Христѣ мы не учили. Что же такое былъ Христосъ? Что составляло тайну Его величія? Почему, не будучи ни ученымъ, ни философомъ, ни ораторомъ, ни политикомъ, ни полководцемъ, ни государемъ, Онъ однако покорилъ подъ Свою власть и ученыхъ, и философовъ, и политиковъ, и полководцевъ и царей? Въ чемъ же разгадка Его могущественнаго вліянія на родъ человѣческій? Въ томъ, что Онъ одинъ явилъ въ Себѣ истиннаго, совершеннаго человека, въ Своемъ духѣ воплотилъ идеаль человека, въ Своей жизни открылъ истиннаго Сына человѣческаго, которымъ такъ любилъ называть Себя. Быть настоящимъ человекомъ, человекомъ безъ порока, безъ пятна, смѣло бросить въ лице злѣйшихъ своихъ враговъ вопросъ: *кто обличитъ Меня въ грѣхъ?* и этимъ вопросомъ вызвать въ нихъ одно безмолвное смущеніе, одинъ стыдъ и внутренней укоръ совѣсти—это послѣдній предѣлъ человѣческаго совершенства. Но на такой высотѣ духа и стоялъ Христосъ—и одинъ только Христосъ, никто болѣе. Вотъ гдѣ ключъ къ разясненію тайны многовѣковаго и неослабнаго вліянія Христа на жизнь человѣческую. Христосъ живетъ и теперь среди насъ такъ же, какъ жилъ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и это потому, что въ Немъ одномъ мы имѣемъ вѣчнаго, непреходящаго че-

* Пропознесено въ Успенской, на Вражкѣ, церкви, въ Москвѣ 1879 г.

ловѣка, совершеннѣйшій образецъ челоѣка, котораго мы можемъ быть лишь слабыми и несовершенными подражаніями.

Но въ чемъ, спросите вы, положительнѣе состояло духовно-нравственное совершенство Христа? — Двѣ силы наполняли Его душу, взаимно дѣйствовали въ Немъ, нисколько не ослабляя одна другую: это—безпредѣльная любовь къ Богу Отцу и беззавѣтная любовь къ людямъ, къ всему роду челоѣческому. Христосъ можно сказать ни на одинъ часъ не жилъ для Самого Себя: Богъ и челоѣчество, это—два полюса, къ которымъ непрерывно, безостановочно тяготѣло и направлялось Его сердце. Пульсъ Его жизни билъ лишь для Бога и челоѣчества, и притомъ для того и другаго нераздѣльно: Онъ любилъ Своего Отца, любя своихъ братьевъ—людей, и любилъ людей потому, что любилъ Бога. Духъ Его, Его сердце было таинственнымъ вмѣстилищемъ, въ которомъ непостижимо, выше всякаго нашего разумія, соединились Божество и челоѣчество. Какъ по природѣ Своей Онъ былъ Богъ и челоѣкъ, такъ и по жизни, по нравственному совершенству Своему Онъ весь былъ для Бога и весь для челоѣка. Весь для Бога!—это не пустая фраза, братья—христиане, но непреложная истина. Можете ли вы подмѣтить въ Христѣ моментъ, когда бы Онъ забылъ волю Своего Отца и совершилъ что либо отъ Себя, по внушенію Своего собственнаго, такъ сказать, самолюбиваго сердца? но даже и враги Его, зорко слѣдившіе за Его дѣятельностію и жаждавшіе уловить Его въ словѣ или въ дѣлѣ, при всей своей злобѣ на Него оказывались бессильными обличить Его въ какомъ либо порокѣ. Воля Бога Отца была единственнымъ закономъ воли Христа, проникала все Его существо, составляла, такъ сказать, каждый вздохъ Его жизни. Что хотеть Отецъ, чего требуетъ Онъ, — вотъ вопросъ, который стоялъ предъ сознаниемъ Христа впереди всякаго начала дѣла и что внушало Ему Отецъ, то и было Его дѣломъ. Онъ жилъ въ Отцѣ и Отецъ въ Немъ, Онъ и Отецъ составляли одно. Христосъ носилъ Бога въ Себѣ и проявлялъ Его во всемъ, Онъ истинно открылъ черезъ себя, воплотилъ въ Себѣ Бога. Ничто земное, противобожественное не могло отклонить Его отъ прямаго пути—живаго и полнаго откровенія Бога міру: вражда сильныхъ іудейскихъ партій — фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ не устрашала Его, честь и слава, оказываемая Ему простымъ народомъ, не соблазнила Его; Онъ не былъ ни трусъ, ни гордецъ. Христосъ шелъ къ своей цѣли всегда истинно царскимъ путемъ. Въ простой хламидѣ, съ босыми ногами, безъ крова, безъ средствъ Господь въ душѣ Своей былъ истинный царь, царь царей, челоѣкъ и Богъ!

Обратите теперь вниманіе на любовь нашего Спасителя къ челоѣчеству. Любя Бога больше всего, Онъ любилъ Его, такъ сказать, не своекорыстно, не въ Своихъ личныхъ интересахъ и цѣляхъ, но любя челоѣчество. Онъ не былъ анахоретомъ, не замыкался въ какой либо глухой, пустынной пещерѣ, не удалялся отъ міра, напротивъ жилъ въ мірѣ, среди міра и для міра. Онъ, въ которомъ было все для Бога, весь былъ и для челоѣка. Не Я, но челоѣчество живетъ во Мнѣ, и все для челоѣчества—такъ былъ основной законъ жизни Христа въ мірѣ. И вотъ вы видите Его неустаннымъ труженикомъ на пользу рода челоѣческаго. Христосъ, если можно такъ сказать, былъ наипрактичнѣйшій изъ всехъ практическихъ людей. Вся жизнь Его, съ тѣхъ поръ какъ Онъ отдался на служеніе людямъ, проходила въ дѣлѣ. Онъ училъ, но Его слово было дѣломъ, и каждое Его дѣло было ученіемъ.

Слово Его было не сухая, отвлеченная теорія, не кабинетное измышленіе ученаго, но слово, непосредственно выливающееся изъ сердца, слово живое, полезное, всегда примѣнимое къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ нашей жизни, всегда отвѣчающее на существенныя потребности нашего сердца. И какая форма Его ученія? Самыя простыя вещи: полевой цѣвонецъ, сѣмя, закваска и проч. въ устахъ Господа служатъ наглядными образцами высочайшихъ небесныхъ истинъ; отсюда, самые необразованные люди—рыбаки, слуги, женщины и дѣти легко понимаютъ Его рѣчь какъ бы упинаясь Его словами. Какая сила Его ученія? Даже развращенныя и зачерствѣлыя сердца, подобно воску, растаиваютъ подъ могущественнымъ жаромъ Его чудной, Божественной рѣчи. Слово Христа было какой-то чудной мелодіей, улаждающей и умиляющей, возвышающей и поражающей, возбуждающей и возраждающей. И вотъ одни, слушая Его, въ невыразимомъ восторгѣ восклицаютъ: *блаженно чрево, носившее Тебя и сосцы Тебя питавшіе!* (Лук. 11, 27); другіе, чувствуя въ себѣ какъ бы уничтоженною внѣшнюю силу внутреннею силою слова Христова, говорятъ: *никогда челоѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ челоѣкъ* (Іоанн. 7, 46). Слово Господа было вмѣстѣ и Его жизнью, Его жизнь была воплощеніемъ Его слова, и она-то особенно изумляла Его очевидцевъ и производила невидимый, но радикальный переворотъ въ сердцахъ людей, еще не безусловно угасившихъ въ себѣ всякую искру добра. При видѣ Христа мытари, грѣшники и блудницы чувствовали въ себѣ внутреннее перерожденіе: старая душа ихъ какъ бы исчезала и на мѣстѣ ея нарождалась новая, они становились новыми людьми. Съ такимъ словомъ и съ такою жизнью Христосъ проходитъ изъ конца въ конецъ всю Іудею и Галилею и вездѣ утѣшаетъ, исцѣляетъ, помогаетъ. Со всѣми простой и милостивый, предъ законными властями безпрекословный, предъ неправдою непоколебимый, тамъ, гдѣ нужно, смиренный, гдѣ требуется—безконечно величественный, здѣсь любвеобильный, тамъ твердый и прямой (въ обличеніяхъ), неліцеприятный ко всѣмъ, готовый принять угощеніе богатыхъ и не гнушающійся бѣдныхъ—такъ былъ Христосъ. Онъ не былъ челоѣкомъ по преимуществу ни своего рода или семьи, ни своего простаго званія, ни своего угнетеннаго народа, но челоѣкомъ всего челоѣчества: всякій челоѣкъ для Него братъ, ближній, всякій равноправенъ другому по духу, всякій наследникъ царства небеснаго. Такова точка зрѣнія Христа на людей и она была также точкою Его жизненныхъ отношеній ко всѣмъ людямъ.

Кто не скажетъ теперь словами сотника: *воистину челоѣкъ сей былъ Сыномъ Божіимъ!* (Марк. 15, 39).

О, еслибы каждый изъ насъ всегда носилъ въ себѣ образъ Христа, какъ свой первообразъ, руководился имъ во всей своей жизни, всегда опредѣлялъ имъ свои отношенія къ Богу, себѣ и ближнимъ!... Аминь.

Святи. I. II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Архимандритъ Пансіей *).

2. Почтенная Е. П.! Я опять по своимъ нуждамъ съѣздила въ Москву, — изъ вашихъ родныхъ никого не видала.

Посылаю при семъ 6 платковъ носовыхъ, прошу васъ ихъ

*) Продолженіе. См. № 9 Москов. Епарх. Вѣд.

подрубить. 1-е Декабря надѣюсь у васъ въ обители быть. —
Буди милость Божія съ вами. Онъ да сохранить васъ. А. Паисій.

3. Почтенная Е. И.! Нынѣшній день получилъ ваше письмо и посылку, которую надѣюсь скоро послать. Душевно радуюсь милости Божіей къ вамъ. Видимо отъ этого источника простекаетъ всякое благо на васъ. Продли Господи то и навсегда.

Имѣю намѣреніе 27 мая быть въ Лужецкомъ; а на другой день и у васъ въ обители; но не знаю, будетъ ли на то благословеніе владыки. Письмо, оставленное батюшкой вашимъ, забытое мною послать вамъ, посылаю теперь съ прочею посылкою, уложенною въ коробкѣ по порученію вашего батюшки. Буди милость Божія съ вами! А. Паисій. Мая 15.

4. Христосъ воскрес! Поздравляю васъ, почтенная Е. И. съ Свѣтоноснымъ праздникомъ воскресенія Христова! Дай-то Господи, чтобы у васъ и И. и на душѣ такъ было свѣтло, какъ день нынѣшній. Господь да даруетъ вамъ ту милость, сохранить и спастись.

Знаю, что матушка васъ помнитъ и утѣшаетъ; но васъ у нее много; Богъ вѣсть: всѣ ли утѣшится? А съ своей доли посылаю, кромѣ словеснаго вамъ утѣшенія и вещественное: —куличикъ и еще что-то печеное. Кушайте на здоровье; а меня нынѣшній праздникъ не ждите къ себѣ. Путь не пускаетъ—водить сидѣть дома, да молиться у себя. Господь съ Вами! Первый день Пасхи. А. П.

Мать Р. За просвиры благодарю. Нынѣ служили на нихъ и поздравляю ее съ праздникомъ. Миѣ печенаго ничего не присылайте. Вамъ болѣе нужно, а я сытъ, какъ свинья.

5. Почтенная Е. И.! Милостію Божею хранимый, а возвратился вчера поздно вечеромъ. Порученіе архипастыря меня задержало.

По возвращеніи пожалѣлъ я, что ваши родители и сестры были у васъ и у меня—безъ меня, но радуюсь общей радости вашей.

Порученіе ваше я исполнилъ, купилъ бумаги $\frac{1}{2}$ фунта, далъ 30 к.; сургучу 2 палочки—10 к., чаю зеленого $\frac{1}{2}$ фунта 1 р. 50, а отъ васъ получено 1 р. 70 к.

Письмо въ лавку Глушкова отдалъ самъ, а другое отослалъ вѣрно.

Конверты у меня бывшіе прежде накупленные, вмѣстѣ съ прочимъ посылаю; еще и письмо отъ вашихъ родителей, нынѣшнее полученное по почтѣ.

При семъ же посылаю просвиру за здравіе ваше отъ Троицы отъ Авдотьи Е. Головкиной. Она съ своею свекровію ѣздила на Богомолье и секретно отъ нея ходила при миѣ къ митрополиту за благословеніемъ вступить въ монастырь и онъ ее благословилъ. Она меня просила о помѣщеніи ея въ вашу обитель, и я обѣщалъ съ надеждою, что матушка не откажетъ; но кажется, что скоро не совершится. Родные того не желали прежде; но она хотѣла убѣждать ихъ о увольненіи.

И тетка посылаетъ чаю и сахару, а шерсть хотѣла прислать послѣ.

Буди милость и благословеніе Божіе съ вами! Да сохранить Господь васъ и И. А. П. Юня 18.

6. Почтенная Е. И.! Радуйся и веселись! Мзда тебѣ многа на небеси! Получишь мзду непременно, ежели не поропщешь, не пожалуешься, а поплакать можешь для того, что съюзиши слезами радостно пожнуть. Не подумай, что ты несчастлива, нѣтъ,—это милость Божія. Онъ кого любитъ, того наказуетъ. Блаженъ, что скорби переноситъ съ утѣшеніемъ; горе и тому, отъ кого скорби невинно происходятъ; но за нихъ молиться падо. Они немощнѣе, не выдавши скорбей; не перенесутъ,

когда ихъ встрѣтятъ. Вѣроятно ты поняла путь монашескій. Сладко терпѣть для Господа, терпѣвшаго за насъ болѣе. Я не поскорбѣлъ много за тебя, я порадовался, что ты приобретаешь вѣнцы къ своему спасенію. Бодрствуй, чадо, не робѣй. Всему причиною діаволь; онъ ищетъ причины выгнать изъ оградъ; не поддавайся; стой твердо; терпи для Исуса; во всемъ будь послушна; не грусти, не кажись печальною; веселись тому, что мзда многа для тебя отъ Бога. Пока будетъ для тебя утѣшенія; время мало для бесѣды съ тобою, Господь да поможетъ и сохранить тебя. Паисій.

И: вещи я пока подержу у себя; не найду ли случая продать.

7. Почтенная Е. И.! Давно не слышу о васъ ничего. На посланныя вамъ посылки мѣсяць тому назадъ не имѣю извѣстія, получены ли вами; а между тѣмъ есть и еще куличикъ, который при семъ посылаю.

Желанную вами просвиру, вынутую самимъ митрополитомъ и потомъ ночь лежавшую въ рагѣ Святителя Алексія, при семъ посылаю. Вотъ и ваши письма сейчасъ явились и не одно, коробочикъ и свертокъ съ картиною. Коробочекъ отослалъ съ письмомъ; за картину поблагодарите отъ меня М. А. Я немножко охилѣлъ своимъ здоровьемъ,—помолитесь обо миѣ; болѣе трудъ изнуряетъ, а служеніемъ не лягущу. Вотъ въ продолженіи 10 дней въ 4-й разъ буду служить съ Владыкою.

Вмѣстѣ съ вашею посылкою посылаю И. чаю и сахару. Отъ родныхъ она вѣрно уже не дождется. А. И. осталась въ самомъ крайнемъ положеніи,—у покойника ничего не осталось; въ погребеніи И. С. нѣкому было ей помочь. Долгъ за ея братомъ 15 тысячъ, вѣроятно пропадетъ. Это горе и было причиною болѣзни покойника.

Дай Богъ здоровье матушкѣ, что она васъ любитъ и назидаетъ. Я и прежде вамъ говорилъ, что и безъ меня есть кому васъ утѣшать; только блюдите себя; держитесь всего того, чему на пользу душевную навыкли; а къ тому пользуйтесь всѣмъ, что доброе и нужное вамъ совѣтуютъ. Будьте, какъ пчела; собирайте со всего и вездѣ все доброе. Отметайте только худое въ сторону; въ чемъ да поможетъ вамъ самъ Господь Богъ и Царица небесная.

Помнящимъ меня поклонитесь отъ меня. Спасайтесь и всего худаго оберебайтесь. Дек. 14. А. Паисій.

VI. Вѣстившійся въ Лужецкомъ и

1. Е. И. Спасенія о Господѣ желаю. Мвроносица Марія Мардалина предварила всѣхъ, даже и Апостоловъ. Заутро рано пришла на гробъ Спасителя. Приравниваю и тебя не по достоинству тѣхъ святыхъ, а по ревности, какъ дочь, благодарная отцу, ускорила поздравить со днемъ ангела меня прежде всѣхъ. Благодарю тебя, а болѣе благодарю Бога хранящаго, милующаго и соблюдающаго тебя. Да будетъ же милость Его съ тобою во всѣ дни живота твоего!

Въ день полученія письма твоего я только возвратился изъ поѣздки въ загородные монастыри; былъ на родинѣ и въ Сердучовѣ, былъ у вашихъ родителей. Они по обычаю были очень ради миѣ. Всѣ они здоровы и кажется покойны. По закрытіи фабрики не имѣютъ тѣхъ средствъ, какъ прежде, но смиренно довольствуются тѣмъ, что Богъ посылаетъ. Одно ихъ огорчало, что братъ твой Димитрій, съ апрѣля мѣсяца жившій у меня для принсканія мѣста, безъ позволенія отца, по съ согласія моего, поѣхалъ въ Петербургъ по неудачѣ здѣсь, но я ихъ успокоилъ, и по возвращеніи моемъ и онъ изъ Питера возвратился также по неудачѣ, а теперь опять у меня. По обѣщанію ожидаетъ 15 Юля наняться поѣхать въ

нижегородскую ярмарку. Ему нужно было дать свободу употребить средства къ своему устроению, а то онъ дома гордился, что его держатъ дома; часто говорилъ: неужели я себѣ мѣста не найду? Пусть теперь попробуетъ и узнаетъ самъ себя. Былъ на гробѣ своихъ родителей, поклонился имъ и помолился за нихъ; потомъ у сестеръ своихъ. Старшая построила себѣ домикъ вмѣсто разваливагося. Въ этотъ день было у нее новоселье. Къ этому дню съѣхалось родныхъ до 40 человекъ. Время было приятно, а многлюдность для меня была скучна. Ежели утѣшался, то тѣмъ, что сестра, она же мнѣ и мать вкостная, была очень утѣшена, что Богъ помогъ съ пособіемъ моимъ ей имѣть приспособленный ихъ жизнью новенькій домикъ. Равно и другая сестра купила себѣ домикъ въ Тулѣ. Мои доходы довольны: они идутъ туда и сюда. Авось помянуть и тамъ и сямъ. Забочусь, чтобы послѣдства по мнѣ не оставалось.

На сихъ дняхъ А. И. меня извѣстила, что игуменья ваша пишетъ къ ней, что И. отправилась куда-то. Меня это крайне огорчило; потому что я объ обоихъ васъ забочусь прямо, какъ отецъ родной. Неблагодарно поступила мать игуменья, что отпустила одну. Ежели бы она ее любила, то надо бы быть иначе. И: круглая сирота. У нея нѣтъ никого, кто бы могъ о ней попечисся, какъ надо. Судя по письму игуменья, надо полагать, что И. впала въ какое либо искушеніе. Здѣсь не было никакого признака. Вышедши изъ больницы, она стремилась, какъ горлица на гнѣздо свое. Я очень соболѣзную о томъ; не была ли она откровенна съ тобою? Не говорила чего, что еѣ смущаетъ? Увѣдомьте меня. Мы здѣсь ничего не знаемъ, гдѣ она. Этотъ случай можетъ служить примѣромъ и для васъ многихъ.

Не стремись Е. П. желаніемъ видѣться со мною. Здѣсь мнѣ силецъ, козни его лукавы. Ежели, бывши въ Москвѣ, и твое спокойствіе нарушится: это мнѣ много горя принесетъ. Вмѣсто свиданія и письма замѣнить. Потому оберегай сердце свое отъ всякаго смущенія. Воля начальницы—воля Божія. Все до времени терпи; и Господь, видя твое терпѣніе и смиреніе, пошлетъ милость свою, и да будетъ она съ тобою въ вѣкъ вѣка. А. П. Юня 28.

Желаніе матери Р. исполню по времени. Присланные: парамонъ и проч. мною получено.

(Окончаніе будетъ.)

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Протоіерей Руфь Александровичъ Ржанницынъ. (Некрологъ) Въ ночь на 25-е число января текущаго года скончался на 62-мъ году отъ рожденія одинъ изъ ревностныхъ пастырей, рѣдкій по своимъ душевнымъ качествамъ, О. протоіерей Московской Николоваганьковской церкви Руфь Александровичъ Ржанницынъ. Отъ природы больной и слабога тѣлосложенія, этотъ поистинѣ *дѣлатель непостыдннй* на нивѣ Божіей, всю жизнь свою провелъ въ постоянныхъ трудахъ, заботахъ и лишеніяхъ; но, при всѣхъ обстоятельствахъ его трудной и разнообразной дѣятельности, *сила Божія* видимо совершалась въ немощахъ его.

Почившій о. протоіерей былъ сынъ діакона въ бѣдномъ селѣ Михайловскомъ, Вологодской епархіи. Бѣдная семейная обстановка и затѣмъ трудовая, полная лишеній жизнь казеннокоштаного воспитанника духовно учебныхъ заведеній того времени—приготовили въ немъ того неутомимаго, ревностнаго руженика, которыхъ обыкновенно вырабатывала старая ду-

ховная школа. По окончаніи курса въ Вологодской духовной семинаріи онъ, какъ лучший студентъ, былъ посланъ для дальнѣйшаго образованія въ Московскую Духовную Академію. Здѣсь, въ скоромъ времени, онъ снискалъ общую любовь и уваженіе академическихъ профессоровъ и товарищей; послѣдніе до сихъ поръ единодушно вспоминаютъ его добрыя товарищескія отношенія и усидчивыя научныя занятія. Въ 1844 г., по окончаніи академическаго курса со степенью магистра, онъ поступилъ въ Московскую Духовную Семинарію, гдѣ исправлялъ должность сначала помощника инспектора, а затѣмъ профессора Логикъ и Психологіи. Преподаваніе этихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, незадолго предъ тѣмъ сдѣланное обязательнымъ въ духовныхъ семинаріяхъ, было сопряжено въ то время съ особенными трудностями. Логика съ своею точною терминологіей, разработанная еще схоластиками на точномъ классическомъ языкѣ и съ давняго времени на томъ же самомъ языкѣ и въ томъ же самомъ направленіи изучавшаяся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, — трудно поддавалась передачѣ на русскій языкъ, въ то время далеко еще не обработанный. Немногіе философскіе трактаты и учебники по этому предмету, относящіеся къ тому времени, были написаны подъ очевиднымъ вліяніемъ нѣмецкихъ философскихъ школъ того времени и отличались неопредѣленностью и туманностью изложенія. Въ этомъ отношеніи покойный О. протоіерей принадлежалъ къ числу тѣхъ безвѣстныхъ семинарскихъ дѣятелей, которые ревностно трудились надъ усовершенствованіемъ русскаго философскаго языка, стремясь достигнуть точности схоластическаго изложенія и внося, такимъ образомъ, въ свои чтенія точность, ясность и опредѣленность выраженія. Но непосильныя занятія, послѣ усидчиваго академическаго труда, совершенно разстроили его слабое здоровье, и, по настоянію доктора, онъ долженъ былъ перемѣнить свой усидчивый образъ жизни и посвятить себя болѣе дѣятельному служенію въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Въ 1848 году онъ былъ рукоположенъ во священника къ Маріе-Магдалинской, при градской больницѣ, церкви. Промысль Божія свыше указала ему самое дѣятельное поприще для служенія. Всѣмъ памятна холерная эпидемія, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1848, 1853 и 1854 годахъ. Не смотря на то, что предметникъ его въ градской больницѣ умеръ отъ холеры, заразившись ею при исполненіи священныхъ требъ, — онъ, подкрѣпляемый надеждою на Бога и движимый любовью къ ближнимъ, не убоясь тяжелыхъ подвиговъ, ожидавшихъ его на новомъ для него поприщѣ служенія¹⁾. День и ночь трудился онъ, совершая священныя требы и работая до упадка силъ. Нерѣдко при этомъ, вслѣдствіе крайняго истощенія, онъ терялъ сознаніе, и его безъ чувствъ выносили изъ больницы. Нѣсколько разъ онъ испытывалъ на себѣ губительное дѣйствіе заразы, но предупредительная заботливость и своевременная медицинская помощь искренно полюбившихъ его, памятныхъ всей Москвѣ, докторовъ Овера и Эвенюса — постоянно избавляли его отъ преждевременной смерти. Эта ревностная дѣятельность покойнаго О. протоіеря была вполне оцѣнена епархіальнымъ начальствомъ, и онъ послѣдовательно былъ награжденъ набедренникомъ и бархатною фіолетовою скуфьею.

Въ 1855 году, во вниманіе къ личнымъ заслугамъ почив-

1) Въ то время, не смотря на свирѣпствовавшую эпидемію, въ штатѣ больничнаго причта полагалось не два священника, какъ нынѣ, а одинъ.

шаго О. протоіерея, покойный Митрополитъ Филаретъ перевелъ его въ приходъ Николая Чудотворца, что на новомъ Ваганьковѣ — священническое мѣсто, болѣе обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ представлявшее обширное поприще для многосторонней пастырской дѣятельности. Населеніе этого прихода, расположеннаго на окраинѣ Москвы, было весьма разнообразно въ качественномъ отношеніи: оно состояло изъ людей, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга, относительно религіознаго вѣрованія, умственного развитія и сословныхъ отношеній. Но, не смотря на это разнообразіе элементовъ приходскаго населенія, онъ умѣлъ объединить ихъ въ самомъ себѣ и впоследствии сталъ, такъ сказать, душою всего приходскаго общества. Его прямая, открытая душа, его кроткое миролюбіе, доходившее нерѣдко до забвенія личныхъ интересовъ, наконецъ вся его честная, безкорыстная дѣятельность снискали ему общую любовь и уваженіе не только всѣхъ духовныхъ дѣтей его, но даже иновѣрцевъ и раскольниковъ, изъ которыхъ многіе, впродолженіе его 24 хъ лѣтней пастырской дѣятельности въ этомъ приходѣ, были воссоединены имъ въ лоно православной католической церкви. Дѣятельность его, не ограничивавшаяся только прямыми обязанностями приходскаго священника, была весьма разнообразна. Ревнитель благолѣпія храма Божія и благоговѣйнаго богослуженія, неутомимый проповѣдникъ слова Божія, ревностный исполнитель церковныхъ требъ, — покойный О. протоіерей кромѣ того близко входилъ и въ матеріальныя нужды своихъ прихожанъ. Вообще, насколько позволяли его средства, онъ никогда не отказывалъ имѣвшимъ нужду въ пособіи; но въ своемъ приходѣ, въ видахъ болѣе прочнаго основанія и болѣе разумнаго направленія общественной благотворительности, своей личной инициативой вызвалъ въ прихожанахъ общее дѣятельное сочувствіе къ учрежденію приходскаго попечительства о бѣдныхъ, при которомъ его же стараніями были устроены въ послѣдствіи — богадельня для престарѣлыхъ женщинъ и училище для бѣдныхъ приходскихъ дѣвочекъ. Въ частности вопросъ о женскомъ образованіи и направленіи его въ современномъ обществѣ всегда сильно интересовалъ покойнаго О. протоіерея. Въ послѣднее время онъ съ особенною любовью останавливался на этомъ предметѣ и въ поученіяхъ съ церковной каѳедры и въ частныхъ бесѣдахъ со своими знакомыми. Но, не ограничиваясь въ данномъ случаѣ теоретическими выводами, онъ пытался выяснитъ ихъ на практикѣ. Такъ изъ послужнаго списка его мы видимъ, что онъ въ послѣднее время состоялъ: 1) законоучителемъ въ Прѣсенскомъ городскомъ женскомъ училищѣ, 2) былъ членомъ комисіи по вопросу объ епархіальномъ женскомъ училищѣ, 3) состоялъ членомъ и секретаремъ совѣта Братства Св. равноапостольной Маріи, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы. При этихъ трудахъ тѣмъ сильнѣе возникало въ немъ воспоминаніе о собственномъ давно-прошедшемъ ученическомъ бытѣ; поэтому въ послѣднее время съ особеннымъ сочувствіемъ была принята имъ вѣсть о возникающихъ обществахъ вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ провинціальныхъ духовно-учебныхъ заведеній; но особенно пріятно поразила его вѣсть объ учрежденіи подобнаго

общества въ его родной епархіи. Дѣятельно трудился онъ для увеличенія средствъ этого общества и незадолго до смерти успѣлъ отправить въ Вологодскую семинарію подписанной листъ съ пожертвованіями.

Но эта разнообразная и разносторонняя дѣятельность почившаго О. протоіерея¹⁾ въ послѣднее время окончательно разстроили его слабое здоровье. Затѣмъ многія непріятности, всегда сопряженныя съ служебною дѣятельностію и особенно семейное горе (покойный схоронилъ любимую дочь свою вскорѣ послѣ выхода ея въ замужество) въ значительной степени способствовали крайнему развитію наследственной болѣзни печени. Но любовь къ труду и постоянная энергія до того были свойственны его натурѣ, что онъ, можно сказать, до послѣдней минуты своей жизни оставался на ногахъ. За три дня до своей кончины онъ отслужилъ въ приходской церкви божественную литургію и совершилъ нѣсколько церковныхъ требъ. Вся семья покойнаго и знакомые не подозрѣвали близости кончины его, тѣмъ болѣе что докторъ, хотя и запретившій ему на непродолжительное время отправленіе приходскихъ обязанностей, высказалъ полную увѣренность въ отсутствіи всякой опасности. Но тѣмъ не менѣе болѣзнь сдѣлала свое дѣло: разстройство печени осложнилось параличемъ сердца, и О. протоіерей Ржаницынъ неожиданно скончался за письменнымъ столомъ своимъ 24-го января, въ 12-мъ часу ночи.

27-го января преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Дмитровскій (академическій товарищъ покойнаго) и о. намѣстникъ Каѳедральнаго Чудова монастыря архимандритъ Веніаминъ почтили память его священнослуженіемъ въ приходскомъ храмѣ литургіи и отпѣваніемъ тѣла его, въ сослуженіи другихъ академическихъ товарищей покойнаго и многихъ сослуживцевъ его. Не смотря на рабочий день, стеченіе народа было такъ громадно, что обширный приходскій храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ поклониться тѣлу своего любимаго пастыря, и многочисленныя толпы народа оставались въ притворѣ и подъ открытымъ небомъ. Многочисленныя толпы слѣдовали за гробомъ по пути къ Дорогомилевскому кладбищу — мѣсту его погребенія.

Итакъ, нѣтъ въ живыхъ О. протоіерея Ржаницына, но чистый нравственный обликъ почившаго неизгладимыми чертами напечатлѣтся въ нашей душѣ и, воскресая въ нашей памяти обстоятельства его труженнической жизни, сіявшей живыми и животворными дѣлами вѣры и любви къ Богу и ближнимъ, постоянно будетъ поддерживать наше духовное общеніе съ почившимъ въ усердныхъ молитвахъ вѣры и любви, обоюдно возносимыхъ къ Богу.

¹⁾ Кромѣ неоднократной признательности епархіальнаго начальства, покойный О. протоіерей за свою полезную долговременную службу былъ награжденъ камилавкою, наперснымъ крестомъ, орденомъ св. Анны 3-й степ., и наконецъ въ 1878 г. за честное служеніе въ священствѣ и усердное прохожденіе разныхъ должностей, возложенныхъ на него начальствомъ, возведенъ въ санъ протоіерея.

При семъ № прилагается Официальный отдѣлъ № 9-й.

Редакторъ протоіерей Типографія Л. О. Снегирева.

Въ Рождественскій. На Остоженкѣ, Савеловскій

И разсылается объявленіе о книгѣ: «Талмудъ и Еврей».

пер., д. Снегиревой. Архимандритъ Амфилохій.